

нив одинаковый исследовательский подход ко всем усваиваемым в семье или в школе языкам – региональным или национальным. Обследование подтверждает безусловное доминирование французского языка, равно как и растущее использование языков, преподаваемых в школе. Вместе с тем оно выявляет также богатство языкового наследия, связанное с разнообразием нашего происхождения и нашего жизненного опыта. Французский язык венчает собой это наследие, но не отменяет его.

Примечания

¹ Cassan F., Héran F., Toulemon L. Etude de l'histoire familiale: l'édition 1999 de l'enquête Famille // *Courrier des statistiques*. INSEE. 2000. № 93. P. 25–37.

² Clanché F. Article sous presse pour le bulletin INSEE Première. Février 2002.

³ Héran F. L'unification linguistique de la France // *Population et Sociétés*. 1993. № 285.

⁴ Grimes B. *Ethnologue: languages of the world*. Dallas, Summer Institute of Linguistics. 2000. 2 tomes (www.ethnologue.com)

⁵ Здесь и далее авторы следуют принятой во Франции традиции оперировать при анализе результатов исследований, проведенных по общенациональной выборке, абсолютными цифрами, которые получают в результате экстраполяции выборочных процентных распределений на генеральную совокупность.

⁶ Государственным. — Е.Ф.

Перевод с французского Е.И. Филипповой

F. Héran, A. Filhon, C. Deprez. The Dynamics of the Language Situation in Twentieth-Century France

In the essay summing up the results of a large-scale research conducted in 1999, the authors address such questions as: To what extent are language regulations, which have been directed toward schools and other institutions, followed and respected within the family? What were actual language practices of people living in France throughout the 20th century? What is happening as a result of the situation when the national language's monopoly clashes with the increasing spreading of English, local dialects, and other languages that are brought by immigrants?

© ЭО, 2004 г., № 4

Е.И. Филиппова

НЕИЗБЕЖНО ЛИ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО МНОГООБРАЗИЯ?

(Интервью с директором Национального института демографических исследований Франсуа Эраном)

Париж, 27 января 2004 г.

Елена Филиппова: Г-н Эран, как известно, Франция отказывается ратифицировать Европейскую хартию о региональных языках и языках меньшинств, которую она подписала 7 мая 1999 г. в Будапеште. Связано ли это только с конституционными ограничениями (в этом случае можно ли ожидать, что в Конституцию будут внесены изменения, которые сделают вероятной ратификацию данного документа) или же положения хартии не соответствуют самим принципам Республики, в числе которых знаменитый принцип “одна страна – один язык”?

Франсуа Эран: Я не могу сказать определенно, чем вызван отказ от ратификации хартии. Дело в том, что этот документ предполагает возможность принять его не целиком, а частично, т.е. ратифицировать одни статьи и не ратифицировать другие. Таким образом, каждая страна может выбирать, до какой степени солидаризироваться с принципами, изложенными в Европейской хартии. В данный момент, дейст-

вительно, Конституционный суд приостановил ратификацию этого документа, признав его неконституционным. Однако внесение поправок в Конституцию – дело достаточно обычное. Практически каждый год в нее вносятся какие-нибудь поправки, могут они быть внесены и на этот раз. Проблема в другом: в обществе есть определенные опасения, что, образно говоря, желая немного приоткрыть дверь, мы рискуем распахнуть ее настежь, т.е. способствовать расцвету коммуитаризма¹.

Е.Ф.: По поводу ратификации хартии высказываются противоположные мнения. Одни, как, например, бывший президент Ассоциации “SOS – расизм” Малек Бути, поддерживают позицию государства, полагая, что официальное признание множества языков и особенно их использование в социальной и политической сферах угрожает единству нации. Другие, в первую очередь активисты различных культурных и региональных обществ, настаивают на том, что игнорирование требований, направленных на удовлетворение индивидуальных потребностей в самоидентификации, невозможное без сохранения и развития языков, противоречит принципам демократии, так как попирает волеизъявление народа. Какова Ваша точка зрения на эту проблему?

Ф.Э.: Я не разделяю тревоги Малек Бути. Он сам, кстати, бывший иммигрант, прекрасно интегрировавшийся во французское общество. Такие люди нередко бывают максималистами. На мой взгляд, он чрезмерно привержен республиканскому интегрizmu. Я к этим идеям – к такому радикальному якобинству – отношусь осторожно, мне лично они не близки. Одним словом, все опасения, связанные с существованием во Франции региональных языков или языков, привнесенных иммиграцией, мне представляются преувеличенными. Я смотрю на вещи как статистик, как демограф. А цифры свидетельствуют о том, что никакой угрозы для французского языка нет, поскольку он имеет прочные позиции во всех без исключения группах населения, за исключением разве что недавно прибывших иммигрантов.

Е.Ф.: Очевидно, что региональные языки не представляют никакой угрозы для французского языка, тогда как опасность полного исчезновения в более или менее отдаленном будущем культур, отличающихся от культуры большинства населения Франции, представляется вполне реальной. Исчезновение языков рассматривается нередко как одна из основных предпосылок исчезновения культуры, ибо считается, что прекращение бытования и передачи из одного поколения в другое языка в значительной мере предопределяет и разрыв культурной традиции. Отсюда ряд вопросов, которые я хотела бы Вам задать: “Является ли исчезновение культур, носители которых составляют численное меньшинство на той или иной территории, неизбежным и необратимым? Существуют ли эффективные меры, способные повернуть вспять этот процесс? Не свидетельствует ли отказ от языка об ослаблении привязанности к культуре предков перед лицом модернизации повседневной жизни?”

Ф.Э.: Прежде всего я могу привести немало примеров в подтверждение того, что культура не обязательно связана с языком. Культурные различия могут существовать независимо от языкового своеобразия. Я три года жил в Испании, в Андалузии. Это регион с выраженной культурной спецификой, с сильнейшими следами арабского влияния – касается ли это музыки, архитектуры или социальной организации. Причем эта самобытность всячески культивируется, поддерживается и сохраняется. И в то же время жители Андалузии не имеют своего языка, они говорят по-испански, правда, с заметным акцентом, который также является их отличительной чертой. И тот факт, что андалузского языка не существует (от “стандартного” испанского его отличает лишь небольшой пласт лексики), нисколько не мешает существованию самобытной андалузской культуры. Культура – понятие, включающее в себя множество составляющих, и язык – лишь одна из них.

Применительно к Франции характерен пример Бретани. Бесспорно, этот регион сохраняет кельтскую культуру, в ее фольклорном варианте. В определенной мере бретонская культура сегодня является результатом реконструкции, целенаправленного воссоздания, и эти усилия тем интенсивнее, чем реальнее угроза исчезновения

языка. Одним из основных элементов бретонской культурной идентичности ныне стала музыка, которая служит одновременно и маркером культурной специфики, и свидетельством кельтского культурного единства, поскольку сближает бретонцев с ирландцами.

Что касается причин отказа от одного языка в пользу другого, на котором говорит большинство населения страны, то можно вспомнить рассуждения П. Бурдые, который использовал для анализа этого феномена метафору рынка, на котором язык является товаром и, следовательно, обладает ценой. Люди строят свое языковое поведение исходя из символической “цены” того или иного языка, из того, какие возможности открывает им использование определенного языка, и пр. И действительно, родители, решая, какому языку стоит учить детей, принимают во внимание прежде всего практические соображения, желая, чтобы дети были конкурентоспособны при получении образования, при прохождении различных конкурсов, при поступлении на государственную службу и пр. – даже если сами родители искренне привязаны к своему языку и дорожат им.

Как-то раз я спросил своего тестя, почему он не обучил детей эльзасскому языку, хотя сам с явным удовольствием говорит на этом языке с людьми своего поколения и, безусловно, воспринимает его как важную часть собственной культуры. Он буквально пришел в ярость от этого вопроса: “Как же так, ведь я сделал это ради их блага, за что меня упрекать?” Во многих регионах Франции стремление родителей сделать своих детей франкоговорящими с рождения было настолько распространено, что это привело в середине XX в. к разрыву языкового контакта между поколениями: общение бабушек и дедушек с внуками стало невозможным без посредничества родителей, поскольку только это “промежуточное” поколение было действительно двуязычным.

Е.Ф.: Результаты семейного обследования, которые Вы приводите в статье “Динамика языковой ситуации во Франции в XX веке”², свидетельствуют о том, что уровень межпоколенной трансляции различных региональных языков существенно отличается. Можно ли, на Ваш взгляд, говорить о том, что некоторые из этих языков уже перешли тот рубеж, после которого их “возрождение” невозможно?

Ф.Э.: Да, безусловно, франко-провансальский, бретонский, фламандский и некоторые другие языки сегодня находятся на грани исчезновения. Уровень их передачи от родителей к детям близок к нулевой отметке. Несмотря на героические усилия бретонской школы, доля детей, обучающихся в ней, чрезвычайно мала – не более 1–2% школьников. Этого, конечно, недостаточно, чтобы качественно изменить ситуацию. Думаю, наше обследование зафиксировало некоторые из региональных языков в последний раз.

Е.Ф.: Региональные языки на протяжении длительного времени считались во Франции признаком “отсталости”, в отличие от французского языка, предназначением которого было “нести миру утонченное свободомыслие”³. Сегодня, когда западный мир, кажется, устал от чрезмерной модернизации и особенно от чрезмерной унификации, взгляд на вещи меняется. Аутентичность традиций, культурное наследие, свободный выбор индивидом своей идентичности приобретают в определенных кругах особую ценность. Одновременно растет и интерес к региональным языкам. Так, согласно результатам недавнего опроса на Корсике, 56% респондентов высказались против исключения из проекта закона об особом статусе острова статьи об обязательном изучении корсиканского языка⁴. В то же время даже наиболее ревностные сторонники возрождения региональных языков признают, что, например, «бретонским языком гордятся скорее молодые горожане с высшим образованием, нежели носители языка – пожилые крестьяне, которые по-прежнему стесняются своего “невежества”», и что “если в целом бретонское общество сегодня положительно относится к сохранению языка, оно все же видит в нем преимущественно культурное наследие, а не инструмент, практически необходимый в современной жизни”⁵. Можно ли в таком случае рассчитывать на то, что семья и общество объе-

двоят свои усилия для защиты исчезающих языков, которые рискуют превратиться в фетиш, лишенный реального содержания? Не останется ли "возрождение языков" лишь интеллектуальной забавой местных элит?

Ф.Э.: Да, я согласен с тем, что интерес к региональным языкам носит ныне скорее символический характер. В Эльзасе, Бретани, на Корсике таблички с названиями улиц, вывески на общественных зданиях теперь двуязычны, хотя все меньше остается людей, которым это действительно необходимо. Все это выглядит неким анахронизмом. Изучение региональных языков сегодня можно сравнить с изучением истории или, например, археологии; их изучают скорее как иностранный язык, а не как родной.

Е.Ф.: Пример Эльзаса заслуживает, на мой взгляд, специального упоминания. Этот пограничный регион, культура которого питается одновременно из трех источников – французского, немецкого и собственно эльзасского – претендует на особую роль “посредника между Францией и 100-миллионным немецкоязычным населением Европы”⁶. Казалось бы, для этой цели вполне достаточно франко-немецкого двуязычия. Что в таком случае способствует сохранению и межпоколенной трансляции эльзасского языка, который, в свою очередь, подразделяется на два не вполне взаимопонимаемых диалекта? Его идентифицирующая и дифференцирующая функции (“...знание французского языка отличает эльзасцев от немцев, австрийцев, швейцарцев; знание немецкого отличает их от огромного большинства французов, но только знание эльзасского отличает их и от тех, и от других”⁷) или расчет на то, что эльзасский язык облегчит овладение немецким?

Ф.Э.: Прежде всего надо сказать, что в рядах активистов сохранения и возрождения эльзасского языка нет единодушия; полемика между ними принимает иногда достаточно агрессивный характер. Одни настаивают на том, что коль скоро эльзасский язык относится к группе германских языков, он должен опираться на немецкий язык, на богатейшую немецкую литературную и культурную традицию. Другие, напротив, говорят, что немецкий язык по отношению к эльзасскому является иностранным, поэтому надлежит развивать собственно эльзасский язык как совершенно самостоятельный; в противном случае мы предаем культуру наших предков и т.д. Доходит даже до того, что сторонников противоположной точки зрения обвиняют в том, что они “куплены немцами”, а это, как Вы понимаете, очень серьезное обвинение.

В действительности, конечно, эльзасский язык принципиально отличается от региональных вариантов немецкого языка – например, баварского – прежде всего потому, что не существует его стандартизованного варианта, разница между северным и южным диалектами очень заметна. Переход с эльзасского языка на немецкий означает изменение не только лексики, но и фонетики. И в этом смысле я бы не сказал, что знание эльзасского языка облегчает овладение немецким, скорее наоборот. Кажущаяся близость двух языков приводит к тому, что люди делают массу ошибок. Похожая ситуация с каталанским языком: если житель французской Каталонии, приехав по делам в Барселону, вообразит себе, что знание каталанского языка облегчит его контакты, то очень скоро он поймет, что язык, на котором он говорит, это язык сельский, архаичный, очень сильно отличающийся от урбанизированного и модернизированного языка, на котором говорят в Барселоне, и что если он хочет, чтобы его понимали, то лучше говорить по-испански.

Что касается идентифицирующей и дифференцирующей функции эльзасского языка, она, конечно, очень важна. Я бы только, пожалуй, внес некоторое уточнение в цитируемую Вами формулу: на мой взгляд, именно одновременное бытование французского, немецкого и эльзасского языков предопределяет (или, по крайней мере, предопределяло в недавнем прошлом) культурную специфику этого региона, который, действительно, является перекрестком Европы. В то же время не следует переоценивать реальную степень “трехъязычия” жителей Эльзаса, в том числе степень их владения немецким языком: “настоящие” немцы, живущие по ту сторону

границы, в Баден-Вюртемберге, сразу же отличают эльзасцев, которые, по их мнению, не так уж хорошо говорят по-немецки.

Е.Ф.: Семейное обследование, о котором уже упоминалось выше, затрагивало также языки, привнесенные с иммиграцией. Очевидно, что для иммигрантов овладение французским языком является необходимым условием их интеграции. Предполагает ли это отказ от родного языка? Распространено мнение о том, что отрыв от языковых и культурных корней чреват серьезными психологическими проблемами, поскольку язык оказывает существенное влияние на характер мышления. Согласны ли Вы с тем, что факультативное изучение языков и культур стран происхождения иммигрантов важно для формирования идентичности молодого поколения, что оно способствует их интеграции и успешной учебе⁸? Или же эта политика имеет в виду скорее возможное (и желательное?) возвращение иммигрантов на родину, нежели их реальную интеграцию в принимающем обществе? Не ведет ли это к дроблению населения на этнические общины, к его замыканию внутри этих общин?

Ф.Э.: На мой взгляд, степень влияния языка на ментальные структуры несколько переоценивается. Глубинные структуры современных языков сформировались столетия назад, и я не вижу серьезных причин говорить об их соответствии категориям мышления, которые, будучи способом отражения окружающего нас мира, меняются значительно быстрее. Другое дело, например, пословицы, поговорки, идиоматические выражения, которые действительно могут быть специфичными для одного языка и не иметь эквивалентов в других. Но это, собственно говоря, уже категории культурные, а не лингвистические.

Что касается политики в отношении преподавания языков иммигрантов, то надо сказать, что французское государство делает в этом отношении немного. Чаще заботу об организации такого обучения, в том числе его финансирование, берут на себя страны происхождения иммигрантов. Это в последнее время вызывает серьезную критику, особенно со стороны иностранных государств. Действительно, например, в Нидерландах в этом направлении делается гораздо больше. На мой взгляд, все должно определяться свободным выбором: если родители считают необходимым передать свой родной язык детям, задача государства – способствовать этому, в частности, с помощью факультативного обучения, о котором Вы упомянули. Но выбор должен осуществляться в семье. В целом же ситуация с языками иммиграции во Франции, на мой взгляд, не может быть оценена однозначно. Я могу сказать определенно, что у нас нет языковых гетто, и это, безусловно, плюс. Но нет и массового билингвизма, это удел немногих, в основном интеллектуалов.

Е.Ф.: Кажется, 10 лет назад Вы более скептически оценивали будущее региональных языков и языков иммиграции. Хочу напомнить фразу из Вашей статьи, датированной 1993 г.: “можно ли действительно ожидать, что система школьного образования сможет возродить культурное наследие, исчезновению которого она в прошлом способствовала? Региональные или иностранные, языки обречены на исчезновение, если они перестают быть языками семейного общения”⁹. Что изменилось за прошедшие годы?

Ф.Э.: Что касается моей статьи 10-летней давности, то, действительно, в ней более пессимистически оценивалась ситуация с региональными и иностранными языками. Однако, как это обычно бывает, после написания и особенно публикации статьи автор возвращается к ней снова и снова; с учетом откликов, реакции коллег и читателей что-то уточняется и даже пересматривается. К тому же курьез в том, что название статьи – “Языковая унификация во Франции” – принадлежит не мне, его дал главный редактор бюллетеня “Население и общество”, в котором статья была опубликована. Он взял эту фразу из текста, но она отнюдь не выражает общую идею статьи. Я всегда с сожалением вижу это заглавие в списке своих трудов, так как может создаться впечатление, что я сторонник языковой унификации. Между тем, данная фраза лишь констатирует ситуацию. С одной стороны, во Франции существует богатейшее языковое разнообразие, здесь живут люди, говорящие на не-

скольких сотнях различных языков. С другой стороны, все более широкое распространение французского может в обозримом будущем привести к исчезновению этого многообразия, поскольку остальные языки существуют в основном в сфере частного, семейного общения и не представлены на общественной арене.

Кроме того, проблема в том, что молодые люди, обладающие потенциальным культурным богатством – языком, который они получают в детстве от родителей, не могут использовать в полной мере это богатство. Если рассматривать пример с арабским языком, то большая часть родителей – эмигрантов в первом поколении – не получили должного образования и не владеют арабской письменностью. Более того, многие говорят на различных диалектах арабского языка, которые в принципе являются бесписьменными, так что они могут передать своим детям только навыки разговорной речи. Таким образом, получается, что значительная часть иммигрантов арабского происхождения и их потомков не владеет в совершенстве собственным языком.

Напротив, иммигранты из Португалии в основном очень хорошо знают и сохраняют в семье португальский язык. Во-первых, объясняется это тем, что массовый приток португальцев происходил в достаточно сжатые сроки (пик иммиграции приходится на 1974–75 гг.), во-вторых, португальцы чаще всего приезжали семьями, что способствовало сохранению языковой среды в семейном общении, тогда как для арабов более типична ситуация, когда мужчина приезжает сначала один. И даже сейчас, спустя 30 лет после массового притока португальских иммигрантов, уровень передачи португальского языка в семье остается одним из самых высоких. Наверное, здесь важен и собственно лингвистический фактор – близость португальского и французского языков, принадлежащих к одной языковой семье.

Возвращаясь к вопросу о будущем региональных языков во Франции, я хочу обратить внимание на то, что мы часто недооцениваем роль искусственного вмешательства в развитие языка – вмешательства писателей, ученых, политиков и других, благодаря усилиям которых происходит унификация, стандартизация, модернизация языка. Можно даже привести примеры с языками, фактически созданными искусственно, – это в первую очередь относится к ивриту, который уже во времена Христа был литургическим, а не разговорным языком. Меняющийся вокруг нас мир делает необходимым развитие языков, предопределяет появление в нем новых слов; люди модифицируют язык в соответствии со своими потребностями. Этот процесс может быть в той или иной мере спонтанным, но может быть и результатом целенаправленных действий. И это внушает мне определенный оптимизм в отношении возможности сохранения и развития региональных языков. Необходимо провести определенную работу по их модернизации и кодификации, возможно, даже принять соответствующий декрет о реформировании языка, что является достаточно распространенной практикой. А дальше многое зависит от школы...

Е.Ф.: Но здесь возникает другая проблема: как известно, вся эта работа по стандартизации и кодификации была уже проделана, например, для бретонского языка. Однако созданный в результате модернизированный язык можно выучить только на курсах, он не понятен сельскому населению, т.е. “природным” носителям языка, которые воспринимают его как еще один, не известный им диалект.

Ф.Э.: Да, такая проблема существует. В частности, на Корсике сегодня многие воспринимают в штыки идею модернизации языка, считая, что он должен сохраняться аутентичным и неприкосновенным. Но это – самоубийственная позиция. Если региональные языки не будут развиваться и адаптироваться к потребностям современной жизни, они обречены на исчезновение.